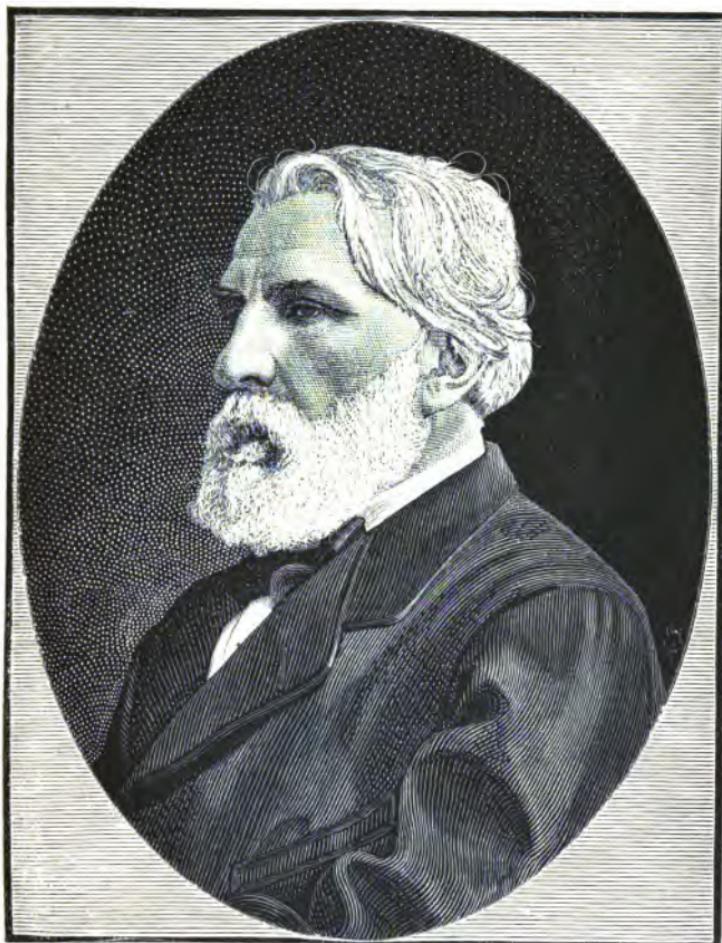

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРГЕНЕВА

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.
Съ фотографіи Бергамаско.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ С-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 ДЕКАБРЯ 1883 г.

ТИПОГРАФІЯ А. С СУВОРІНА. ӘРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 11—2.

Literaturnaia
dîjetel'nost' Turgeneva.

Burenin.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ТУРГЕНЕВА

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

В. БУРЕНИНА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ИВ. С. ТУРГЕНЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1884

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЗРТ. ДЕР., д. 11—2.

I.

Вступлениe.—Юношеские стихотворные опыты Тургенева.—Поэмы „Па-
раша“ и „Разговоръ“. — Миfнiе Бълинскаго о поэтическомъ талантѣ
Тургенева.—Пьеса „Неосторожность“. — Элементъ романтизма. — Пер-
вые повѣсти: „Андрей Колосовъ“, „Бретёръ“ и „Три портрета“.

I.

Тургеневъ и по своей натурѣ и по корен-
нымъ свойствамъ своего таланта былъ человѣ-
комъ и художникомъ въ той же мѣрѣ чисто
русскимъ, въ какой былъ имъ Пушкинъ, учен-
икомъ которого не даромъ считалъ себя по-
койный. Только русская жизнь могла выработать
такого человѣка и художника, въ которомъ са-
мыми оригиналными образомъ сочеталось необы-
чайное простодушie съ поразительнымъ критиче-
скимъ анализомъ жизни, самый чистый идеализмъ
съ самыми трезвыми реализмомъ, самый прони-
цательный и ясный умъ съ самыми теплыми,
сердечными чувствомъ, самое преданное служе-
ніе искусству съ самою чуткою отзывчивостью

стремлениемъ времени. Такія натуры, представляющія удивительное соединеніе противоположныхъ элементовъ, вырабатываются только на родной нашей почвѣ, «такъ печеть только русская печь», какъ говоривалъ Погодинъ. Западная жизнь по своей законченности, по своей опредѣленности и узости, по рѣзкости и, если можно такъ выражаться, специализированности своихъ влияній не въ состояніи вырабатывать ни такой разносторонности и ширины, ни такой простоты, ни такой общности таланта и ума.

Тургеневъ былъ продуктомъ дворянско-помѣщичьей среды и соединялъ и въ своей личности, и въ своемъ творчествѣ всѣ лучшія качества этой среды. Дворянско-помѣщичья среда, какъ отживающій, можно сказать даже почти уже отжившій элементъ русской жизни, въ настоящее время «не въ авантажѣ обрѣтается». Такъ какъ эта среда тѣсно соединялась съ крѣпостнымъ правомъ, то на нее упала тѣнь отъ этого мрачнаго явленія нашего прошлаго. За этою тѣнью въ теперешнее мнимо-либеральное и мнимо-просвѣщенное время не хотятъ видѣть многихъ свѣтлыхъ сторонъ упомянутой среды. А они были, эти свѣтлые стороны, несомнѣнно. Одною изъ такихъ свѣтлыхъ сторонъ слѣдуетъ, напримѣръ, признать то выгодное положеніе, которое давалось дворянско-помѣщичьей средѣ ея, хотя «господскимъ», но тѣмъ не менѣе близкимъ соприосновеніемъ съ народомъ и въ то же время соприосновеніемъ съ обра-

зованистю, большою частью поверхностною, но въ иныхъ, исключительныхъ случаяхъ довольно серьезною и широкою. Конечно, эта образованность пріобрѣталась на мужицкій счетъ, покупалась цѣною эксплоатации закрѣпощенного крестьянина, поддерживалась барскою обезпеченностью и очень нерѣдко разрѣшалась въ праздномъ услажденіи себя самой для самой же себя. Но нерѣдко также, благодаря этой обезпеченной мужицкимъ потомъ и кровью образованности, изъ дворянско-помѣщичьей среды выходили действительно русские интеллигентные люди, не чета тѣмъ представителямъ современной мѣщанской и разночинной псевдо-интеллигенціи, которая смѣнила дворянско-помѣщичью и выродилась, наконецъ, въ пресловутый «умственный пролетариатъ». Во всякомъ случаѣ каковы бы ни были темные стороны отожи-вающей дворянско-помѣщичьей среды, но она намъ дала такихъ людей, какъ Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Герценъ, Тургеневъ, Левъ Толстой, Достоевскій. Безъ этихъ огромныхъ талантовъ русская жизнь не могла бы прийти къ опознанію самой себя, они служать мѣркою ея общественно-национального роста и развитія, они являются выражителями народнаго гenія.

Въ бiографiи и характеристикахъ и Пушкина, и Тургенева, и другихъ нашихъ генiальныхъ талантовъ очень часто «проводится» мнѣнiе, что они получили обыкновенно «недостаточное» образование, потому что дворянско-помѣщичья среда, де-

скать, иного образованія и не могла давать. Это одно изъ фальшивыхъ мнимо-либеральныхъ мнѣній, пущенныхъ въ ходъ, кажется, завистливымъ семинарствомъ, которое, къ слову сказать, начиная съ пятидесятыхъ годовъ внесло въ нашу литературу много пристрастныхъ и лживыхъ оцѣнокъ во имя тенденціознаго гоненія аристократическаго принципа, будто бы осуществлявшагося въ людяхъ дворянско-помѣщичьей среды. Пора, наконецъ, намъ признать, что какъ Пушкинъ, такъ и Тургеневъ образовались подъ условіями довольно счастливыми: съ дѣтства они восприняли впечатлѣнія народной жизни въ ея неиспорченномъ источникѣ—деревнѣ, съ дѣтства они освоились съ иностранными языками, давшими имъ впослѣдствіи средство ознакомиться съ геніальнѣйшими произведеніями всемирной литературы. Пушкинъ довоспиталъ самъ себя въ зрѣлые годы серьезнымъ трудомъ и размышленіемъ и, конечно, былъ однимъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей своего времени, не только русскихъ, но и западныхъ. По крайней мѣрѣ Мицкевичъ, который, конечно, какъ геніальный талантъ, былъ попроницательнѣе нашихъ семинарскихъ цѣнителей и судей, удивлялся его обширнымъ и серьезнымъ свѣдѣніямъ не только въ литературѣ, но и въ политикѣ. Тургеневъ былъ еще счастливѣе Пушкина: онъ докончилъ свое первоначальное образование у европейскихъ учителей и выступилъ на литературное поприще съ такимъ багажемъ серьез-

ныхъ знаній, съ какимъ, конечно, выступали немногіе изъ западныхъ геніевъ. Если сравнить высокое образование Тургенева, который по свидѣтельству лицъ, его близко знавшихъ, перечиталъ и въ древней и въ новой литературахъ все, что онъ дали выдающагося, — если сравнить образование нашего художника съ образованіемъ, напримѣръ, хотя бы французскихъ писателей, въ родѣ Жоржъ-Зандъ, Бальзака, Ламартина, не говоря уже о новѣйшихъ натуралистахъ, порядочно-таки невѣжественныхъ,—то, конечно, перевѣсь будетъ на сторонѣ автора «Отцовъ и дѣтей»... А мы все еще какъ-то боимся сознаться себѣ въ этомъ, мы все еще почтаемъ не только иностранныхъ геніевъ, но даже иностранныхъ посредственостей людьми несравненно болѣе образованными, чѣмъ наши самые выдающіеся таланты, мы всѣ толкуемъ, что наши Пушкины, Лермонтовы, Толстые отъ Бога были одарены да, жаль, недостаточно образованы, жаль, знаній надлежащихъ не имѣли. Даже—какъ это ни странно—самъ Тургеневъ былъ не лишенъ этой робости въ оцѣнкѣ широкой образованности нашихъ художниковъ: въ своихъ «Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ» онъ дѣлаетъ упрекъ Льву Толстому за обнаруженное послѣднимъ будто бы «отсутствие истиннаго знанія» въ романѣ «Война и миръ». У Льва Толстаго—отсутствие истиннаго знанія! Да и есть ли теперь въ Европѣ такой художникъ, который зналъ бы tanto много и такъ досконально, какъ

авторъ «Войны и мира»? Въ каждомъ его произведениі, въ каждой страницѣ его произведеній обнаруживается для непредубѣжденного человѣка такое громадное, серьезное, такое продуманное и глубокое знаніе, какое доступно только геніальному уму. Этотъ писатель знаетъ все, что знаетъ его время, какъ Шекспиръ зналъ все, что его время знало. И ему бросается упрекъ въ отсутствіи «истиннаго знанія»! Поди, чай, Тургеневъ и о своемъ «знаніи» былъ необычайно скромнаго мнѣнія, а вѣдь онъ въ этомъ отношеніи, повторяю, является феноменальнымъ писателемъ не только на нашей, но и на европейской почвѣ.

Кромѣ близкаго соприкосновенія съ народною жизнью, кромѣ выдающагося образованія, среда, къ которой принадлежалъ Тургеневъ по рождѣнію, дала ему еще одно благо, чрезвычайно важное и почти необходимое для выработки настоящаго художника, настоящаго поэта: она дала ему обеспеченность, независимость отъ материальныхъ житейскихъ обстоятельствъ. Тургеневъ съ самыхъ первыхъ своихъ литературныхъ шаговъ и до конца своей жизни работалъ «изъ вдохновенія, не изъ платы», — условіе необыкновенно счастливое для художника. Что бы ни говорили о свободномъ творчествѣ талантовъ, но въ нашъ вѣкъ, недаромъ прозванный меркантильнымъ, жажда заработка, плата имѣеть огромное вліяніе на это творчество. Въ Англіи, напримѣръ, да и во Франціи тоже, плата за романы, выдаваемая авторамъ книгопро-

давцами, обуславливаетъ давно если не внутреннее содержаніе, то объемъ этого рода произведеній. Тамъ выработалась извѣстная мѣрка, меныше которой и больше которой книга беллетристическаго содержанія не должна быть, потому что иначе ея изданіе не представляетъ выгоды издателю. И такой, установившейся внѣшней мѣркѣ для романа подчиняютъ свое вдохновеніе не только посредственные беллетристы, но даже крупные, первостепенные таланты. Подобныя явленія наглядно показываютъ, до какой степени зависитъ отъ материальнаго вознагражденія творчество этихъ мнимо-свободныхъ дѣятелей искусства. Для Тургенева, благодаря его обезпеченности, подобной зависимости никогда не существовало. Онъ писалъ когда хотѣлъ и сколько хотѣлъ, онъ обрабатывалъ свои произведенія, заботясь единственно о требованіяхъ искусства, о соотвѣтствіи содержанія съ формою и не имѣя въ виду никакихъ иныхъ, постороннихъ творчеству требованій. Вотъ почему у него почти не найдется ни одного произведенія излишне растянутаго, или излишне сжатаго, недоконченшаго, торопливо сдѣланного. Его повѣсти и романы въ большинствѣ представляютъ такую тщательную обработку, какую только можно желать. Въ нихъ не встрѣтится ни одной страницы, которую бы при самой строгой взыскательности можно счесть ненужной, которую хотѣлось бы откинуть. Это въполномъ смыслѣ шедевры беллетристики, въ которыхъ остается

только удивляться тщательной художнической выдержкѣ и отдаѣкѣ. Конечно, такая добросовѣстность и надлежащая мѣра въ работе была однимъ изъ коренныхъ свойствъ таланта Тургенева, отличавшагося въ высшей степени гармоническимъ изяществомъ; но, повторяю, это коренное свойство несомнѣнно поддерживалось и подкреплялось въ его талантѣ тѣмъ счастливымъ условиемъ материальной обеспеченности, въ которомъ стоялъ напрь художникъ отъ ранней юности и до конца своихъ дней.

II.

Тургеневъ, какъ большая часть крупныхъ литературныхъ дарованій, началъ свое литературное поприще поэтическими опытами. Онъ скоро отказался отъ поэзіи и впослѣдствіи какъ бы не признавалъ своихъ первыхъ стихотворныхъ работъ, исключая ихъ изъ собранія своихъ сочиненій. Въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ онъ говоритъ, что знаменитый критикъ «послѣ первого привѣтствія», сдѣланнаго его стихотвореніямъ, охладѣлъ къ тогдашней его поэтической дѣятельности, и считаетъ это охлажденіе вполнѣ справедливымъ. «Не могъ же онъ—признается Тургеневъ—поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которыми я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія—и возы-

мѣль твердое намѣреніе вовсе оставить литературу». Тѣмъ не менѣе, несмотря на такой взглядъ самого Тургенева, его первыя стихотворенія и поэмы совсѣмъ не такъ слабы, какъ это думалъ самъ авторъ въ эпоху ихъ появленія и впослѣдствіи, когда онъ пріобрѣлъ извѣстность одного изъ первыхъ русскихъ и европейскихъ беллетристовъ. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ Тургенева и еще болѣе въ его двухъ поэмахъ «Параша» и «Разговоръ» виденъ настоящій поэтическій талантъ, и эти, теперь забытыя, поэмы, право, не ниже многихъ поэмъ присяжныхъ пѣвцовъ, какъ изъ числа сверстниковъ Тургенева, такъ и позднѣйшихъ поколѣній. Сравните «Парашу», напримѣръ, хотя съ поэмой «Машенька» — однимъ изъ раннихъ поэтическихъ опытовъ Майкова, и вы убѣдитесь, что Тургеневъ обнаружилъ, какъ стихотворецъ, задатки дарованія пожалуй не менѣшаго, чѣмъ у автора «Двухъ мировъ». Бѣлинскій недаромъ восхищался въ «Парашѣ» такими поэтическими картинами, какъ, напримѣръ, вотъ это описание южнаго знойнаго дня:

Томительно-глубокой синевой
Все небо полно; какъ больной въ недугѣ
Земля горить и сохнетъ; подъ скалой
Сверкаетъ море блескомъ нестерпимымъ—
И движется и дышеть и молчитъ...
И всѣ двѣта подъ тѣмъ неутомимымъ,
Могучимъ солнцемъ рдѣютъ... дивный видъ!
А, вотъ, зарывшись весь въ песокъ блестящій,
Рыбакъ лежитъ и каждый проходящій
Любитъ имъ съ завистью—я самъ
Имъ тоже любовался по часамъ.